

Чжуан Лин вернулся лишь глубокой ночью, пропахший дорожной пылью и гарью. На ходу срывая с плеч тяжёлое верхнее одеяние, он швырнул его в сторону. Семенивший следом Ивэй едва успел поймать полы плаща, густо пропитанного удушливым запахом свежей крови.

Чжуан Лин сразу прошёл в спальню. В слабом серебристом свете луны, пробивавшемся сквозь тонкие занавеси, он без труда разглядел Хань Хэна. Тот спал совершенно беззащитный, раскинувшись по всей постели, а в уголке его губ блестела едва заметная капля слюны.

Суровые черты Чжуан Лина смягчились. Прижавшись ладонью к его иссечённой, неровной щеке, он наклонился и нежно поцеловал спящего в лоб, после чего бесшумно поднялся и вышел.

В умывальне тускло горел светильник. В ночной тишине отчётливо слышалось, как с его мокрых длинных волос в воду срываются тяжёлые капли.

Заслышав приближающиеся шаги, Чжуан Лин мгновенно открыл глаза. Одним стремительным движением он выпрямился, перемахнул через край бадьи, сорвал с крючка просторный халат и, наскоро запахнувшись, шагнул за дверь.

— Теперь сомнений нет: господин Хань действительно носит дитя, — лекарь Лан держал голову опущенной, не смея взглянуть на молодого господина.

Чжуан Лин на мгновение оцепенел. Мгновение спустя он привычно и высокомерно усмехнулся, но сердце забилось с бешеной силой. Сделав глубокий вдох, чтобы унять внезапно подступившую к горлу волну лихорадочного возбуждения, он постарался вернуть голосу прежнее хладнокровие:

— Дядя Лан, тебе ведь уже доводилось принимать роды у мужчин из племени Тяньи? Значит, всё пройдёт без сучка и задоринки?

По шее лекаря скатилась холодная капля пота, мгновенно впитавшись в ворот нижнего платья. Быстро взглянув на Чжуан Лина, он с тяжёлым вздохом покачал головой:

— Ни один лекарь в мире не дерзнёт дать здесь полную гарантию.

— Почему? — голос Чжуан Лина опасно натянулся.

Лекарь Лан торопливо утёр рукавом взмокшую шею и погрузился в воспоминания, на миг потеряв нить разговора:

— Сама природа мужчины противится деторождению, это идёт вразрез с законами неба и земли. Даже у мужчин Тяньи роды никогда не протекают так легко, как у женщин...

— И всё же их тела устроены иначе, нежели у обычных мужчин, — уверенно произнёс Чжуан Лин.

Ещё до того, как между ними всё случилось, он приказывал привести к себе изнеженных юношей из весёлых кварталов — надеялся перебороть внутреннее отвращение и брезгливость к мужской плоти. Но затея провалилась: при виде напудренных, слащавых мальчиков его лишь сильнее мутило.

Но в тот день, в Башне Слушания Лебедей, стоило ему лишь коснуться тёплой кожи Хань Хэна, как всякое самообладание испарилось. Древнее наваждение овладело им, пробуждая дикую страсть — такую, что теперь самому становилось жутко от воспоминаний. Быть может, кровь Тяньи и впрямь способна лишать разума и очаровывать? Чжуан Лин никогда не забудет Великую Лян: торжественную церемонию, Хань Хэна, медленно поднимающегося по ступеням к алтарю, и то, как толпа буквально сходила с ума от одного лишь его силуэта.

Тогда он не смел — да и не желал — даже помыслить о поцелуе, не говоря уже о том, чтобы повалить этого гордеца на лопатки и подчинить себе. Но потерявший память Хань Хэн изменился. Он сделался похож на ласкового домашнего зверька: пусть порой и выпускал коготки, царапая до крови, но эти раны не были смертельными. Напротив, они манили и казались очаровательными.

Чжуан Лин лихорадочно блеснул тёмными глазами.

— Чтобы разделить ложе с женщиной, обычно приходится прибегать к разным ухищрениям, — Чжуан Лин слегка смутился, подбирая слова поточнее, и на его щеках проступил едва заметный румянец.

Лекарь Лан сразу понял, к чему клонит молодой хозяин.

— Всё так. Мужчинам Тяньи это не требуется, в чём и кроется их невероятное отличие. Однако... — он запнулся на мгновение. — Мужское лоно всё же не приспособлено для вынашивания плода так, как женское. Во время беременности они слабеют куда сильнее женщин. Если у женщины дитя можно распознать лишь на восьмой-десятый день после зачатия, то у Тяньи этот срок наступает почти мгновенно. Да и сам плод они носят не дольше пяти-шести месяцев.

— Почему ты молчал об этом раньше? — ледяным тоном спросил Чжуан Лин.

Ему было известно лишь о самой способности мужчин этого племени даровать потомство и о пророчестве, взбудоражившем Поднебесную, но в такие тонкости он никогда не вникал.

— Разве молодой господин не знал? — искренне удивился лекарь.

Чжуан Лин едва заметно вздрогнул. Чувствуя себя неловко, он отвёл взгляд в сторону:

— Откуда мне знать? Да и кто во всех шести государствах мог ведать о подобном? Государь уже начал что-то подозревать и то и дело шлёт указы с понуканиями. Скоро мне предстоит выступить в поход во главе войска. Меня не будет в столице от трёх месяцев до полугода. Дядя Лан, сейчас малейшая оплошность или непредвиденная заминка могут погубить все наши планы.

Лекарь Лан сокрушённо вздохнул:

— Если бы не то злосчастное пророчество, кто вообще обратил бы внимание на столь ничтожное, затерянное среди гор племя?

— Дело вовсе не в пророчестве, — Чжуан Лин презрительно усмехнулся и небрежно махнул рукой. — Неужели ты забыл, дядя Лан? Позапрошлым летом император Мин устроил пышную церемонию посвящения для своего обожаемого Государственного наставника и созвал послов из пяти царств. Именно его безрассудство выставило Тяньи на всеобщее обозрение. Само же пророчество поползло по миру лишь три месяца назад. Полагаю, Император Мин меньше всего желал, чтобы тайна Хань Хэна раскрылась. Кто-то другой намеренно пустил слух. Но чем мутнее вода, тем легче мне ловить в ней рыбу.

— Кто слишком высоко взлетает, тот больнее падает, — многозначительно произнёс лекарь Лан, одновременно осуждая безрассудство правителя Великой Лян и предостерегая самого Чжуан Лина.

— Не всегда, — Чжуан Лин усмехнулся, задумчиво поглаживая чисто вымытую после ванны кожу на тыльной стороне ладони. — У него достаточно сил, чтобы устоять.

Лекарь Лан бросил на молодого хозяина быстрый взгляд, и от увиденного его сердце тревожно сжалось. На лице Чжуан Лина явственно проступили следы тайного, тёмного честолюбия. Пока это пламя было лишь крошечной искрой, но кто знает, не превратится ли оно со временем в бушующий пожар, способный выжечь дотла всё вокруг?

— Но почему женщина вынашивает плод десять лун, а мужчине Тяньи хватает пяти или шести? — снова спросил Чжуан Лин.

Лекарь набрал в рот воздуха, не зная, как подступиться к столь щекотливой теме, но в конце концов решился:

— Как бы то ни было, мужское тело от природы крепче и выносливее хрупкого женского. И всё же среди мужчин Тяньи мало кто соглашался добровольно вынашивать дитя. Плод в утробе

такого родителя называют не иначе как «разорителем».

Чжуан Лин нахмурился. Сам того не замечая, он крепко сжал кулаки.

— Находясь в лоне, это дитя безжалостно, капля за каплей, вытягивает из отца жизненные силы, кровь и плоть, насыщая себя. Рождённые таким образом дети невероятно умны не по годам и развиваются гораздо быстрее обычных сверстников. Но плата за это — угасание самого родителя. К тому же из-за мужского строения тела муки при родах превосходят любые женские терзания. И если дитя не сможет выйти само... — лекарь мелко задрожал.

— Что тогда? — отрывисто бросил Чжуан Лин.

— Если дитя застрянет, останется лишь один выход: рассечь отцу чрево и вынуть младенца силой. — Произнеся эти страшные слова, лекарь Лан словно сбросил с плеч тяжкий груз. Он облизал пересохшие губы и, стараясь говорить ровнее, добавил: — Тот мужчина Тяньи, у которого я принимал роды много лет назад, выжил лишь благодаря стальному ножу. Дитя уродилось слишком крупным, пробиться сквозь столь узкие кости самостоятельно оно бы не смогло. Даже с учётом того, что их тела во время родов выделяют особый сок, облегчающий появление младенца, естественные роды для них — редкое чудо.

Первое потрясение улеглось, уступив место привычной расчётливости. Лицо Чжуан Лина вновь превратилось в бесстрастную маску:

— Если пророчество истинно, то младенец непременно родится живым и невредимым. А коли суждено погибнуть — значит, он никогда и не был Дитя небесного мандата.

Обливаясь холодным потом, лекарь Лан лишь поспешно закивал в знак согласия.

— Дядя Лан, ты ведь и сам понимаешь, какова цена этого ребёнка, — вкрадчиво напомнил Чжуан Лин.

— Клянусь, я приложу все силы и умения, чтобы сохранить его жизнь.

Чжуан Лин на мгновение задумался:

— Позволяет ли его нынешнее состояние заняться лицом? Я не хочу рисковать малым ради великого.

— Плод начнёт забирать силы у отца лишь с третьего месяца. До тех пор господин Хань даже не почувствует перемен в теле. Но если молодой хозяин беспокоится, мы можем отложить восстановление кожи на более поздний срок.

Никто во всём мире не знал лучше Чжуан Лина, как сильно Хань Хэн дорожит своей былой красотой. Осыпать его золотом и почестями было бесполезно — куда охотнее он расцветал от простого шёпота о том, как он прекрасен. Особенно в те минуты, когда они делили ложе.

Чжуан Лин медленно провёл кончиком языка по губной кайме:

— Если это никак не повредит дитяти, приступай без промедления.

Спрятав руки в широкие рукава, лекарь поклонился:

— Слушаюсь.

— Да, и ещё... — Чжуан Лин явно замешался. Он до боли сжал челюсти, сиюсь перебороть внезапную неловкость: — Пока он в таком положении... позволительно ли нам... — договорить у него не повернулся язык.

Лекарь Лан понимающе улыбнулся:

— Ближайшие пару дней вреда не будет. Однако усердствовать и проявлять излишнее неистовство не стоит. К тому же, когда мы начнём врачевать лицо, о любовных утехах на какое-то время придётся забыть.

Чжуан Лин поспешно отвёл глаза, не желая встречаться взглядом со старым лекарем. Он называл Лана дядей лишь потому, что тот некогда был близок с его покойной матерью. По его уговору, при Хань Хэне они обязаны были держать дистанцию и разыгрывать полное равнодушие. На деле же Чжуан Лин ходил по самому краю бездны. Если император Бэйшо прознает, что беглый Государственный наставник не просто прячется в поместье Чжуан Лина, но и носит под сердцем его дитя, тайные замыслы молодого маршала тотчас выплывут наружу.

В один миг всё величие поместья князя Жуя обратится в прах.

Именно поэтому лекарь, допущенный к Хань Хэну, должен был быть предан без остатка.

— Я вверяю их тебе, дядя Лан.

Лекарь Лан вновь тихо вздохнул, его взгляд беспокойно метнулся из стороны в сторону:

— Я всё ещё не могу гарантировать, что память не вернётся к нему. — Он с грустной нежностью посмотрел на воспитанника. — Молю Небеса, чтобы эти полгода прошли в тишине. Если к нему вернутся воспоминания, он ни за что не согласится вынашивать это дитя.

— Даже лютый зверь не пожирает своего приплода. К тому же он — всего лишь строптивый жеребец, который любит взбрыкнуть, не более. — Чжуан Лин ни за что не позволил бы Хань Хэну избавиться от столь ценного залога. Сам того не замечая, он вдруг ощутил, как сердце наполняется щемящей нежностью. Ему нестерпимо захотелось вернуться в спальню и прижаться губами к плоскому, лишённому и капли жира животу своего пленника.

Когда за Чжуан Лином закрылась дверь, лекарь Лан горько покачал головой и снова вздохнул.

Разбуженный среди ночи Хань Хэн сердито заворчал и, не открывая глаз, резко ткнул локтем назад. Чжуан Лин мягко перехватил его удар ладонью. Наполовину сонный Хань Хэн с трудом разлепил веки и, узнав любовника, привычным, ленивым жестом обвил его шею руками, даже не думая выбираться из-под одеяла.

— Спишь? — негромко спросил Чжуан Лин.

Хань Хэн ткнулся губами в его щёку и сквозь сон пробормотал густым, хриплым от усталости голосом:

— Хватит болтать... Спи давай.

Чжуан Лин обнял его со спины, но утихомириться так и не смог. Спустя мгновение он уже неторопливо целовал обнажённую шею Хань Хэна, покрывая поцелуями плечи.

Окончательно лишившись сна, Хань Хэн вспылil. Раздражённо брыкнувшись, он попытался спихнуть наглеца с постели, но Чжуан Лин ловко поймал его за тонкую лодыжку.

Хань Хэн дёрнулся раз-другой, но вырваться не сумел, отчего окончательно рассвирепел:

— Я спать хочу! Смертельно устал. Если тебе не спится — убирайся прочь! — На него словно навели порчу: веки налились свинцом, а тело требовало лишь покоя.

Пребывая в полузабытьи, Хань Хэн послушно излился дважды под лаской настойчивых, ловких пальцев Чжуан Лина, отчего обессилел окончательно. Благо, тот больше не стал его изводить. Уткнувшись лицом в изгиб шеи Хань Хэна, Чжуан Лин затих, и лишь его горячее дыхание ещё долго опаляло кожу, пока наконец не выровнялось. Обнявшись, они погрузились в глубокий, спокойный сон.

Окутанный привычным теплом и пряным мужским ароматом, Хань Хэн спал безмятежно, позабыв о жутких кошмарах, терзавших его в начале ночи.

Наутро Хань Хэн велел позвать лекаря Лана и без лишних предисловий объявил, что готов приступить к лечению лица хоть сегодня.

Старик, казалось, ничуть не удивился его решимости.

Хань Хэн вскинул брови и, напустив на себя храбрый вид, добавил:

— Только не скупись на обезболивающие снадобья. Боли я, конечно, не боюсь, но лишний раз мучиться неохота.

— Как пожелаете, — кивнул лекарь.

Когда Лан вышел, Хань Хэн уселся перед трюмо. Вцепившись руками в края стула, он подался вперёд, пока его лицо едва не коснулось холодного стекла.

Он медленно провёл кончиками пальцев по бугристой коже. Раны затянулись и больше не причиняли беспокойства, а благодаря тому, что последние дни он не носил душную маску, сошли и последние отёки.

Хань Хэн слегка потянул себя за щёку, разглядывая рваные рубцы и неровную кожу. У него невольно вырвался вздох недоумения: как только у Чжуан Лина хватало духу целовать такое уродство? Скользнув взглядом ниже, на изящную шею, усыпанную багровыми отметинами вчерашней страсти, он почувствовал, как по телу прокатилась волна жара, а кончики ушей предательски покраснели.

В минуты близости взгляд Чжуан Лина темнел, напоминая взгляд голодного хищника, а каждый его толчок отдавался в глубине существа с такой силой, будто выжигал клеймо на душе. Стоило Хань Хэну воскресить в памяти эти мгновения, как по спине пробежала сладостная дрожь.

Он шумно вдохнул воздух и медленно выдохнул.

Похоже, он пропал окончательно. Весь его богатый опыт прежней жизни и все бывшие увлечения померкли перед той безумной, запретной страстью, что связала их в эти дни. От подозрений и осторожности не осталось и следа — он сдался без боя. Хань Хэн сгорал от нетерпения увидеть себя прежнего, гадая, какую бурю восторга вызовет его истинный облик у возлюбленного.

Каждому, кто по уши влюблён, хочется явить себя с лучшей стороны. Хань Хэн не был исключением, к тому же своей прежней внешностью он гордился по праву. Мысль о том, что Чжуан Лину приходится изо дня в день созерцать это безобразие, досаждала ему. Наверняка в мыслях молодой маршал лелеял образ того, прежнего Хань Хэна, каким знал его когда-то. Из-за этого на душе становилось как-то скверно. Значит, нужно поскорее вытеснить эти чужие

призрачные воспоминания из его памяти своим настоящим лицом.

Страх перед болью не был у Хань Хэна капризом. Ещё в прошлой жизни, на съёмках фильма, где он играл гонщика, каскадёрский трюк пошёл не по плану. Машина перевернулась и вспыхнула, в одно мгновение превратив его плечо в обугленное месиво. Продюсеры спешно устроили его в дорогую клинику, но бесконечные операции по пересадке кожи до сих пор отзывались в его памяти фантомной, ноющей болью.

Таинственное «исцеление кожи», обещанное лекарем Ланом, по масштабу превосходило всё, с чем он сталкивался ранее. Хань Хэн не питал иллюзий и понимал, что гладко и безболезненно всё не пройдёт.

Ему оставалось лишь взять себя в руки.

В конце концов, игра стоила свеч. Только представь, как округлятся глаза Чжуан Лина, когда перед ним предстанет настоящий Пэй Цзя! Хань Хэн ни капли не сомневался в успехе. И это предвкушение заставило его напрочь забыть о страхе перед лезвием целителя.

<http://bllate.org/book/20487/2236302>